

Иосиф Кобзон:

«Есть особые песни»

Спрашивать у певца, почему он поет, все равно, что задаваться вопросом, отчего летает птица. Поет, потому что, очевидно, не может не петь. Этим все сказано. Иное дело — доходит ли его песня до слушателей, случались ли в его жизни те высшие моменты творческого

счастья, когда он понимал, что песня его нужна людям, как хлеб. И так же необходимы становились артисту животворные токи, идущие от тех, кто его слушает, производящие какую-то особую работу в его душе, а быть может, и в судьбе. Об этом рассказывает Иосиф Кобзон.

— Я пережил все это в Афганистане. Был там шесть раз. Что меня особенно потрясло во время первых поездок? Наши восемнадцатилетние, девятнадцатилетние мальчишки в солдатских гимнастерках. Это сейчас они перед тем, как отправиться в боевую обстановку, проходят определенную подготовку. А ведь сначала они шли в огонь, можно сказать, со школьной скамьи, совсем юнцами, которые, кажется, и себя-то не знали. В апреле 1980 года наша группа первой из советских артистов приехала на празднование годовщины афганской революции. Выступления проходили успешно, но я не мог себе представить, что уеду, не повстречавшись с нашими воинами, исполняющими там свой интернациональный долг, и потому обратился в посольство с просьбой помочь мне в этом. Не могу сказать, что просьба эта вызвала большой восторг, ибо никто не мог гарантировать группе поездку без неожиданностей, связанных с боевой обстановкой. Но в конце концов нам пошли навстречу. А я ехал и думал: что же захотят услышать ребята? К тому времени я проработал на эстраде 20 лет, много раз пел для молодых солдат и предполагал, что они захотят услышать песни «С чего начинается Родина». «А я в Россию, домой хочу», «Бери шинель»... Так оно и было. Их просьбы и записки трогали до слез. Подошел паренек как-то и говорит:

— Спойте, пожалуйста, «Ты же выжил, солдат!»...

А я всегда разговариваю с ними во время концерта. Вот и спрашиваю:

— Скажи, откуда ты приехал?

— С Украины, — отвечает.

— А какие ты песни любил тогда, в своей невоенной жизни?

— Разные.

— А если бы я приехал к тебе в Херсон до службы, ты попросил бы меня спеть эту песню?

— Наверное, нет, — ответил парень, подумав.

Значит, все-таки есть особые песни, которые нужны человеку, когда от него требуется особое мужество, в сущности даже героизм. Когда он познал чувство фронтовой дружбы и заглянул в глаза смерти, когда все лишнее и мелкое, что могло бы с годами закрепиться в его душе, выжигается опасностью, помноженной на обостренное чувство воинского и гражданского долга. Там, среди этих замечательных ребят, напроць исчезает проблема отцов и детей. Нам нечему их учить, это они могут дать нам уроки мужества, верности и справедливости.

Я спрашиваю себя: неужели

нужно пройти через экстремальные обстоятельства, чтобы увидеть истинное лицо нашей молодежи? Почему тут они кажутся нам бездумными, эгоистичными, инфантильными, неуправляемыми? Наверное, это упущение школы, комсомола. И наше тоже — идеологических работников, людей искусства. И когда сегодня мы стали перед фактом повальной «роковой» болезни, постоянно растущего числа молодежных, так называемых «неформальных» объединений, то спрашивать надо в первую очередь с себя. Это мы потеряли с ними контакт, занимаясь «громоздким планом», забыли о них, а когда оглянулись, оказалось, что они ушли от нас, живут по своим понятиям и законам. Их ни в чем нельзя обвинять. Где бы ни возникала опасность — они первыми принимают ее на себя. Но, справедливо предъявляя обвинения школе, кивая на влияние улицы, давайте вспомним и о своей родительской вине. Значит, надо было быть более внимательными и осмотрительными...

Общественное обновление сорвало с наших глаз розовые очки, и мы видим, что и в культуре, и в управлении, и в жизни нарушены какие-то очень важные связи. Разве можно мириться с тем, что семья из союза единомышленников превращается в группу отчужденных, думающих порознь людей, где каждый живет своей жизнью? Нам долго казалось, что у нас все есть. Сколько принималось различных постановлений по сельскому хозяйству, призванных поднять его на «еще более высокий уровень». А потом оказалось, что до уровня мы просто не дотягиваем, и все, что происходит, это скорее реанимация, чем движение вперед.

То же и в культуре. Мы приводим заводскую бригаду на симфонический концерт, и в то время, когда люди слушают, не понимая, в буквальном смысле мучаясь, победно рапортуем о всенародной (!) любви к музыкальной классике.

Как нельзя запланировать открытие элементарной частицы в текущем квартале, так и невозможно планировать число людей, полюбивших музыку или театр. «Охватить» — это пожалуйста. Дойти до сердца в плановом порядке — это исключено, заставить любить нелюбимое невозможно. Хорошо, что это начинают понимать. Немудрено, что сегодня Р. Щедрин, А. Петров, А. Чайковский, озабоченные этим положением, говорят о нескольких поколениях, потерянных для классической и современной серьезной музыки, размышляют, как наладить дело и вернуть молодежь. А молодые вырабатывают защитную реакцию на голое лекторство, говорят: «Раньше вы нас не

слушали, а теперь мы вас слышать не хотим».

Но я оптимист. И надеюсь, что мы найдем с молодежью общий язык. И мои встречи с молодыми воинами укрепляют меня в этом убеждении. Определенные сдвиги уже есть. Мы учимся публично говорить правду. Старшее поколение нашло в себе мужество честно признать свои ошибки. Этому очень помогает пресса. За газетами у киосков очереди. Люди тянутся к информации, хотят получить ответы на главные вопросы, волнующие всех. Идут большие перемены... Надолго ли?.. Навсегда?.. Хотя, конечно, далеко не все приняли и осознали неизбежность того, что вытягивать общий воз нужно в единой упряжке, на одном дыхании. А вопросы нелегкие. Среди них и такой: что такое интернациональный долг? Почему мы должны во многом себе отказывать, чтобы помогать другим? Почему юноша в солдатской гимнастерке должен сражаться за пределами своей мирной Родины?

Ответ на это должны помочь найти наши идеологические органы и политработники. Я вспоминаю апрель 1980 года. Тогда мы были потрясены подвигами ребят. Как хотелось рассказать о них всем.

Но... время было другое. Предполагалось молчать об очевидном, выдавать желаемое за действительное. И многие славные страницы, подвиги тех, первых, кому было труднее всего, канули в Лету. А ведь это были хоты и печальные, но очень светлые события. И сделай мы тогда их всеобщим достоянием, быть может, это стало бы сильным лекарством от безверия, равнодушия, социального эгоизма. Войцы из Афганистана живут по другим нравственным меркам. Возвращаясь, они держатся друг за друга, потому что атмосфера сурового и благородного воинского братства несовместима с нечестностью, общественной глухотой, карьеризмом, рвачеством, с которыми им приходится лицом к лицу столкнуться в мирной жизни.

Почему же мы до сих пор не попросили их самих рассказать о том, что такое для них Родина, в чем они видели и видят свой долг перед ней? Уверю вас, что молодой человек, который до службы в Афганистане не отрывался от наушников, там стал другом. Невероятная аудитория. Споем еще, споем о Родине, о маме, о любимой.

Меня спрашивают: и что тебя так тянет в Афганистан? Я отвечаю: поезжайте, увидите сами. Пока они там, я не мыслю без них своей жизни. Я буду ездить туда каждый год. Они нужны мне, как аккумулятору зарядка, нравственная, духовная зарядка, которая помогает быть человеком.